



МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО; ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО

УДК 347.121.2



Азарова Анастасия Сергеевна
Саратовская государственная юридическая
академия
Институт правоохранительной деятельности
Россия, Саратов
azarovaanastasiya2001@mail.ru
Azarova Anastasia
Saratov State Law Academy
Institute of Law Enforcement
Russia, Saratov

ОСОБЕННОСТИ ДИФФАМАЦИОННЫХ СПОРОВ В ОТНОШЕНИИ ПУБЛИЧНЫХ ФИГУР В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

Аннотация: в статье анализируется международная и отечественная практика по спорам о защите положительной деловой репутации публичных фигур. Рассматриваются признаки диффамации и тенденции развития института защиты от нее. Делается вывод, что российский опыт регулирования диффамации имеет некоторые особенности и требует отдельных исследований.

Ключевые слова: диффамация, диффамационные споры, публичные фигуры, уголовное преследование, особый стандарт защиты.

FEATURES OF DEFAMATION DISPUTES AGAINST PUBLIC FIGURES IN RUSSIA AND ABROAD

Annotation: the article analyzes international and domestic practice in disputes on the protection of the positive business reputation of public figures. Signs of defamation and trends in the development of the institution of protection against it are



considered. It is concluded that the Russian experience of defamation regulation has some peculiarities and requires separate studies.

Key words: defamation, defamation disputes, public figures, criminal prosecution, special standard of protection.

Россия как демократическое государство в качестве одной из основополагающих задач ставит для себя соблюдение и защиту прав и свобод человека и гражданина. Ч. 3 и 4 ст. 29 Конституции РФ провозглашают: «Никто не может быть принужден к выражению своих мнений и убеждений или отказу от них. Каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом». Вместе с тем злоупотребление свободой слова может приводить к бесконтрольному использованию информации, наносящему вред как общественному порядку, так и отдельной личности. Подобное состояние называют «загрязненностью» информационного пространства, которая порождается «черным пиаром» [1, с. 17].

Распространение порочащих сведений носит название «диффамация». В России не существует ее легального определения, однако это понятие используется в учебной и научной литературе и является комбинированным, так как отражает взаимодействие права на защиту чести, достоинства и деловой репутации со свободой слова и массовой информации. Сложность данного правового явления заключается в существовании множества оценочных критериев, учитываемых судами при разрешении конкретных дел.

Интересно, что современные ученые пишут о диффамации даже применительно к средневековью, приводя в пример суды над Джоном Олдкастлом, Жанной д'Арк, Элеанорой Кобхэм, Жилем де Рэ и т.д. В качестве средства диффамации называется «антижитие», суть которого заключается в представлении человека в качестве воплощения всех возможных зол, начиная с дурной учебы и заканчивая мужеложеством [2, с. 250].



Нормы, образующие правовой институт диффамации, содержатся в ч. 2 ст. 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года (далее – Конвенции) [3]. В ч. 3 ст. 19 Международного пакта о гражданских и политических правах подчеркивается, что использование права на свободное выражение своего мнения налагает на распространителя сведений особые обязанности и ответственность [4]. Отсюда следует неизбежность ограничений, которые в каждом государстве должны быть обязательно установлены местным законом.

В отечественном законодательстве данный институт носит межотраслевой характер, поскольку в него вошли нормы гражданского, административного и уголовного права. В большинстве своем российские исследователи определяют диффамацию как распространение одним лицом истинных сведений, порочащих другое лицо. М.А. Ковалев, Г.М. Резник говорят об исключительно правдивых, но нелицеприятных либо сомнительных сведениях для репутации, чести и достоинства лица [5, с. 23]. Д.А. Самородов и А.М. Эрделевский стоят на том, что под диффамацией следует понимать любое распространение порочащих сведений о лицах [6, с. 15]. Представители саратовской школы критикуют данный подход, поскольку признак правдивости сведений при диффамации должен рассматриваться как ограничение права на свободу слова и мысли. Они выделяют два признака диффамации: порочность и ложность распространяемых сведений [7, с. 94]. При этом распространение может носить как умышленный, так и неумышленный характер [8, с. 104].

Наиболее удачным представляется определение, данное С.В. Потапенко, поскольку оно точно передает основную сущность института диффамации и в большей степени приближено к нормам гражданского законодательства и правоприменительной практике, чем остальные. Ученый пишет о распространении порочащих, не соответствующих действительности сведений фактического характера, составляющих полноценный гражданско-правовой деликт, совершаемый с прямым умыслом на умаление чести и достоинства,



деловой репутации лица, что является злоупотреблением права на свободу слова и массовой информации [9, с. 12].

В 2005 году Верховный Суд РФ постановил: «при разрешении споров о защите чести, достоинства и деловой репутации судам следует руководствоваться не только нормами российского законодательства, но и учитывать правовую позицию Европейского Суда по правам человека, выраженную в его постановлениях и касающуюся вопросов толкования и применения данной, имея при этом в виду, что используемое Европейским Судом по правам человека в его постановлениях понятие диффамации тождественно понятию распространения не соответствующих действительности порочащих сведений, содержащемуся в ст. 152 Гражданского кодекса Российской Федерации» [10].

При характеристике соотношения современного международного права с внутригосударственным правом России можно говорить о диалектическом сочетании монистической и дуалистической систем [11, с. 10]. В такой ситуации весьма трудно судить о том, насколько местные суды будут принимать во внимание стандарты международного права, особенно в современных реалиях – с 16 сентября 2022 года Российская Федерация вышла из-под юрисдикции ЕСПЧ [12]. Соответственно, говорить о правотолковательной прецедентной силе в рамках осуществления конвенционного нормоконтроля сегодня тоже не приходится [13, с. 48]. Тем не менее изучение правовых позиций Европейского Суда по рассматриваемой юридической проблеме представляется целесообразным для восприятия российской правовой системой богатейшего опыта разрешения диффамационных споров.

На сегодняшний день многие иски о защите чести, достоинства, деловой репутации в российской судебной практике подаются публичными фигурами, к которым относятся чиновники, общественные деятели, политики, депутаты, должностные лица органов исполнительной власти, местного самоуправления,



«звезды». Конечно, такие лица имеют право защищать свои честь и достоинство. При этом ЕСПЧ обращает внимание, что постоянное нахождение «под прицелом» СМИ и общества вытекает из самой сути публичных профессий [14].

Данная позиция была воспринята Пленумом Верховного Суда РФ, указавшего на то, что «политические деятели, стремящиеся заручиться общественным мнением, тем самым соглашаются стать объектом общественной политической дискуссии и критики в СМИ. Государственные должностные лица могут быть подвергнуты критике в СМИ в отношении того, как они исполняют свои обязанности, поскольку это необходимо для обеспечения гласного и ответственного исполнения ими своих полномочий» [15].

Интересной представляется практика Верховного Суда США, который в 1964 году принял решение, совершившее настоящий переворот, установив повышенный стандарт для удовлетворения иска от общественного деятеля – истец должен доказать, что ответчик действовал со злыми намерениями, то есть знал либо догадывался о точной или вероятной ложности сообщаемых им сведений соответственно [16].

Европейский Суд считает достаточным потребовать опубликования опровержения и выступает против уголовного преследования за диффамацию, особенно когда доступны иные средства реагирования на необоснованную критику [17], допустим, публикация ответа, пресечение действий правонарушителя, возмещение убытков.

Много вопросов возникает при разграничении оценочных суждений и утвердительных фактов. В США любое заявление рассматривается как единое целое, анализируется не только порядок построения фраз, но и их смысл, эффект. Верховный Суд США по делу Герца постановил, что «не существует понятия ложной идеи. Сколь бы вздорным не казалось мнение, не дело суда поправлять это мнение» [18]. В этом же решении судья Паул определил пять



основных отличий факта от мнения, расположив их по принципу градации: критерий языка № 1 (используется ли точный язык или туманные выражения); критерий проверяемости; критерий контекста; критерий языка № 2 (используются ли стилистические приемы); критерий, в соответствии с которым политические обвинения являются мнением журналиста.

Специалисты в области юрислингвистики указывают, что, выделив понятия «суждение» и «мнение», Пленум Верховного Суда РФ не указал их языковые признаки, в связи с чем применяемый в экспертной практике подход не может быть признан абсолютно удовлетворительным [19, с. 473]. Более того, все чаще можно услышать, что оскорблениями могут считаться даже высказывания в форме оценочного суждения и они тоже могут стать поводом для судебного разбирательства в рамках иска о защите чести и достоинства. Так, в пункте 51 нового постановления «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» Верховный Суд РФ разъясняет, что суд может удовлетворить требование истца о компенсации морального вреда, если он причинен распространением оценочных суждений, мнений, убеждений, высказанных в оскорбительной форме, унижающей его честь и достоинство [20].

Таким образом, общество нуждается в повышенной прозрачности публичных фигур, так как заинтересовано в их честности и сохранении доброго имени. Представляется целесообразным изучать и оценивать опыт международных судов и их правовые позиции по диффамационным спорам, не забывая учитывать при этом, что в России такие споры имеют свою специфику и требуют отдельных исследований.

Список литературы:

1. Поздникин П.Ю. Защита чести, достоинства и деловой репутации. Актуальные вопросы // Проблемы экономики и юридической практики. 2010. № 4. С. 16-18. С. 17.



2. Крылов П.В. Судьба человека в эпоху «великой схизмы». Рецензия на монографию И.П. Потехиной «Как стать антипапой. Балтазар Косса и его время» (СПб.: Наука, 2020. 191 с.) // Петербургский исторический журнал. 2021. № 2 (30). С. 249-253. С. 250.
3. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 24.06.2013) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 2. Ст. 163.
4. Международный пакт о гражданских и политических правах (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Бюллетень ВС РФ. 1994. № 12.
5. Ковалев Е.А., Шевчук В.Д. Защита чести, достоинства и деловой репутации в суде. М.: Именем закона, 1995. 48 с. С. 23.
6. Эрделевский А.М. Актуальные вопросы защиты деловой репутации юридических лиц // Хозяйство и право. 2011. № 1. С. 12-17. С. 15.
7. Гаврилов В.Н., Сиротинин А.А., Фокин Д.Д. Институт диффамации в гражданском праве // Вестник ННГУ. 2021. № 5. С. 93-97. С. 94.
8. Гозюмов Х.Б. Институт диффамации в гражданском праве // Методы прогнозирования в технике и технологиях: сборник статей Международной научно-практической конференции (20.02.2018). В 2 ч. Ч. 1. Уфа: Аэтерна, 2018. С. 103-105. С. 104.
9. Потапенко С.В. Проблемы судебной защиты от диффамации в СМИ: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2002. 23 с. С. 12.
10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» // Бюллетень ВС РФ. 2005. № 4.
11. Степкин Е.Ю. Соотношение норм конституционного права России и международного права при обеспечении личных прав человека и гражданина: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 25 с. С. 10.



12. Россия окончательно вышла из-под юрисдикции ЕСПЧ // URL: <https://www.rbc.ru/society/17/09/2022/632564819a7947a3b0105b6f> (дата обращения: 08.11.2022).
13. Алексеев А.Г. Имплементация решений Европейского Суда по правам человека в российской юрисдикции // Закон и право. 2019. № 3. С. 47-49. С. 48.
14. Постановление Европейского Суда по делу «Лингенс против Австрии» (Lingens v. Austria) от 8 июля 1986, §42.
15. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. № 4.
16. New York Times Co. v. Sullivan // URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/376/254/> (дата обращения: 12.12.2022).
17. Постановление Европейского Суда по делу «Кастеллс против Испании» (Castells v. Spain) от 23 апреля 1992, §46.
18. Gertz v. Robert Welch // URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/418/323/> (дата обращения: 12.12.2022).
19. Карагодин А.А. К вопросу о разграничении утверждений о факте и оценочных суждений в юрислингвистике // Юрислингвистика. 2011. № 11. С. 469-480. С. 473.
20. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» // Российская газета. 2022. 25 ноября.